

В.Н. Иванов и Ростовский музей

М.К. Павлович

Имя Владимира Николаевича Иванова хорошо известно специалистам — историкам, архитекторам, искусствоведам, археологам. Его книги, посвященные Московскому Кремлю, городам Золотого кольца и русскому зодчеству, знают многочисленные любители истории и культуры. Более сорока лет его жизни были отданы работе в разных музеях нашей страны. Как практикант он трудился в Политехническом музее, затем прошел путь от научного сотрудника до заведующего отделом «Памятники Кремля» в Музее декоративно-прикладного искусства «Оружейная палата», в течение многих лет возглавлял музей Архитектуры Академии строительства и архитектуры СССР в Донском монастыре, с 1960 по 1966 г. трудился на посту зам. директора Государственных музеев Московского Кремля по научной работе, и лишь по приказу Министерства культуры СССР № 713-к от 7 октября 1966 г. был переведен на работу во Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры¹. Однако первые шаги на музейном поприще были сделаны им на родной земле, в Ростовском музее. Да это и не было удивительно — здесь работали его родственники Д. Иванов, С.Н. и П.С. Ивановы и другие, к тому же семья его проживала по адресу: г. Ростов, Кремль, дом 1.

Наше небольшое сообщение, основанное на документах архива Ростовского музея-заповедника и материалах ОРПГФ ГИКМЗ «МК», посвящено именно ростовскому периоду деятельности этого человека, всю жизнь отдавшего делу сохранения культурного наследия нашей страны. Помимо кратких и скучных сведений, почерпнутых из официальных источников — приказов, распоряжений, планов, отчетов и прочих, нами использованы также мемуары Владимира Николаевича о Ростовском музее и Борисоглебском монастыре, написанные им уже в преклонном возрасте, бережно сохраненные его родственниками после его смерти и любезно предоставленные автору для данного доклада. Благодаря подаренным Владимиром Владимировичем Ивановым подлинным мемуарам его отца, а также фото- и ксерокопиям в музее-заповеднике «Московский Кремль» образован личный документальный фонд В.Н. Иванова (ОРПГФ ГИКМЗ «МК», фонд № 42). На наш взгляд, именно эти воспоминания и представляют наибольший интерес. В них даны описания экспозиций 1920-х гг., характеристики сотрудников Ростовского музея и, несмотря на то, что в них порой отсутствуют точные даты событий и нет конкретных цифровых показателей, они дают нам возможность прикоснуться к той эпохе, почувствовать ее особенности и атмосферу.

Владимир Николаевич Иванов поступил на работу в Ростовс-

Рис. 1. Сотрудники Ростовского музея, 2 февраля 1924 г.

Слева направо: (1 ряд) С. Бурмистров, Н. Зубеева, Е. Сахаров, В. Иванов; (2 ряд) Г. Королев, Б. Спасский, М. Стрижникова, Д. Ушаков, С. Волкова, С. Иванов, П. Зубеев; (3 ряд) Г. Епифанов, П. Иванов, В. Моравский, Г. Шляков, П. Соловьев.

кий музей на должность научно-технического работника с окладом 13 рублей 50 копеек 1 мая 1923 г. Для семьи, в которой был тогда один работник на 7 ртов, это явилось большим подспорьем. Коллектив музея в те годы был небольшой, но, судя по мемуарам, «очень дружный». Все уважительно относились друг к другу», а «душой всего дела» был директор – Дмитрий Алексеевич Ушаков, «... бывший артиллерийский офицер, с незаконченным образованием Московского археологического института... Дмитрий Алексеевич носил бороду и усы, что при его молодом с живыми глазами лице всегда с розовыми щеками было пикантно и он обращал на себя внимание и запоминался»². Ближайшими его помощниками был старший брат Владимира Николаевича Сергей Николаевич, прослуживший в музее с 1919 г. до самой смерти в 1925 г., занимавший должность хранителя, и его двоюродный брат Петр Сергеевич Иванов – ученый секретарь музея. Были еще Софья Александровна Волкова, Екатерина Александровна Сахарова, Елена Федоровна Стрижникова, Геннадий Яковлевич Епифанов, впоследствии переехавший в Ленинград и ставший известным графиком, Настя Зубеева, Сергей Бурмистров, «весыма колоритный» сторож Петр Соловьев, Геннадий Королев, Павел Зубеев и Владимир Сергеевич Моревский. Особенно хорошо запомнился Владимиру Николаевичу библиотекарь – Геннадий Яковлевич Шляков, – «он был одноглазый и довольно мрачного характера»³.

Именно этот состав и обеспечил создание новой экспозиции,

приуроченной к 40-летнему юбилею музея, отмечавшемуся в ноябре 1923 г. Принимал посильное участие в мероприятиях, посвященных этому знаменательному событию, и новый сотрудник, вспоминавший позднее, как в то время, как уже съезжались гости, он вместе с братом Сергеем на подмостках под потолком монтировал хрустальную люстру⁴. Огромная работа, проделанная тогда, нашла свое отражение в документах архива Ростовского музея-заповедника. В частности, сохранился протокол Ученого совета, посвященный этой дате, и другие материалы⁵. Однако нам кажется, что интерьеры музейных залов тех лет, запечатленные в памяти девятнадцатилетнего юноши, тоже представляют немалый интерес. В его мемуарах мы читаем: «Музей был прекрасен. В Белой палате развернули Ионинскую ризницу, для чего из Ярославля привезли прекрасные шитые саккосы (Строгановых), взяли плащаницу из действовавшего еще собора, выставили серебро, в паникадила вставили свечи. Белая палата наполнилась особым светом, живыми тенями, а красавец Ионафан в своем епископском одеянии был просто неотразим». На втором этаже здания бывшего духовного училища – «Самуилова корпуса» впервые в Ростове развернули картинную галерею русской живописи XVIII-XX вв.

«Подбор был не особенно разносторонен, но произведения прекрасные. Здесь же была экспозиция фарфора», часть предметов которой приобрел в Москве С.Н. Иванов. Однако наибольшее впечатление на молодого человека произвел другой раздел экспозиции, так как «...особенно великолепны были бытовые комнаты на 3-м этаже. Каждая из них была окрашена в свой цвет». Так, Екатерининская – фиолетовая, Павловская – оранжевая, Александровская – желтая, Николаевская синяя, а комната Александра III – цвета слоновой кости. «Стильная мебель, акварели, гравюры, портреты своей эпохи, светильники, ковры и вышивки, посуда, хрусталь, веера, кружева и т.п. составляли целый ансамбль, который при отсутствии дворцов в Ростове, кроме как в музее, посмотреть больше было негде»⁶.

В обязанности нового научно-технического работника входило ведение экскурсий, а также помочь хранителям при развеске, раскладке и описании экспонатов. В те годы Владимир Николаевич являлся студентом Ростовского педагогического техникума, и предполагалось, что он будет сочетать учебу с работой в музее. Однако в 1924 г. техникум был закрыт, и ему пришлось продолжать образование в аналогичном техникуме в Ярославле. После его окончания он поступил в Ярославский университет, а затем перевелся на отделение истории и теории искусств 1-го Московского Государственного университета. Казалось бы, работа в музее закончилась, но благодаря договоренности с Д.А. Ушаковым все свои каникулы студент Иванов проводил в Ростовском музее.

Самым запоминающимся в летней практике 1924 года для него оказались раскопки Сарского городища, проходившие под руководством профессора Дмитрия Николаевича Эдинга, приглашенного из Москвы директором музея. На городище, расположенному на

высоком холме на берегу реки Сары в безлесной местности недалеко от села Деболовское, трудились в основном добровольцы любители-краеведы. Как вспоминал Владимир Николаевич, это была первая серьезная школа для будущей профессии. «Дм. Ник. рассказывал своим тихим и мягким голосом, по каким признакам надо отобрать место для... раскопа, как фиксировать, как копать, как защищать вещи, как классифицировать керамику. Видимо, я хорошо справлялся с этими делами, потому что в книге отчета о раскопках (Сарское городище), изданной в 1928 г., среди других и мне вынесена персональная благодарность⁷. Компания работала очень дружная. В 1926 г. раскопки были продолжены, причем «прибавилось много хороших ребят» — студентов-практикантов — Костя Трунов, Миша Талицкий и другие.

Во время разведочных раскопок кургана в лесу у дороги к селу Талица произошел забавный случай, хорошо запомнившийся Иванову. Однажды, когда ребята валили деревья и расчищали площадку для работы, к ним «приблизилась группа мужиков с вилами, камнями и другим подобным вооружением». Оказалось, что сельские старухи по дороге в церковь заметили археологов, «переполошились и сказали мужикам, что в лесу группа разбойников строит себе лагерь». К счастью, недоразумение вскоре разъяснилось к общему удовлетворению. Во время раскопок этого кургана были обнаружены славянские могилы XII-XIII вв.⁸

В том же году для Владимира Николаевича произошло еще одно важное событие — назначение хранителем Борисоглебского монастыря, переданного вместе со всеми зданиями, ризницей и библиотекой в ведение Ростовского музея и ставшего его филиалом. Монахов там уже оставалось мало, в опустевшие помещения вселялись новые жильцы. Принимавший это необычное хозяйство юноша «ходил описывал и обмерял кельи, ставшие квартирами, высчитывал квартирную плату, заключал договора с арендаторами, нанимал вечно пьяненьких мастеров-плотников, кровельщиков, что (бы) починить двери, рамы, крыши». На следующее лето он вновь прибыл в Борисоглеб и приступил к прежним обязанностям, однако на этот раз работы было значительно меньше, так как все шло по налаженной колее. Посещали Борисоглебский монастырь и редкие экскурсанты, в основном из ближних домов отдыха. На всю жизнь остались в памяти В.Н. Иванова прекрасные летние дни, прогулки по лесу, встречи с друзьями. После его отъезда в институт некоторое время хранителем монастыря был его родной брат — Л.Н. Иванов⁹.

Стоит упомянуть, что в 1925-27 гг. Владимир Николаевич являлся членом Ростовского научного общества по изучению местного края, возглавляемого Д.А. Ушаковым, и до наших дней сохранилась заполненная им членская карточка. Входили в это общество и С.Н. и П.С. Ивановы¹⁰. О работе «по изучению этнографии местного края» остались любопытные и яркие воспоминания, в том числе и о решении Д.А. Ушакова создать при музее этнографический отдел. Как замечает с горечью В.Н. Иванов, «...ви-

димо, это было велением времени. Церковно-археологический, искусствоведческий профиль не устраивал идеологических работников»¹¹. С целью поиска экспонатов для нового раздела в окрестные села посыпались экспедиции из групп по два человека. Владимиру Николаевичу было поручено обследовать село Хлебницы, где работала учительницей его сестра Людмила. Для быстроты передвижения практиканту выдали велосипед, и он отправился выполнять задание. Однако ему «злодейски не повезло», при спуске с высокого холма у велосипеда сломалась передняя ось колеса, и его пришлось тащить на себе несколько километров. К сожалению, это не было единственной неудачей экспедиции – общение с местными умельцами также не получилось. Во времена НЭПа кустари платили огромные налоги и невольно занижали показатели выработки, поэтому они «очень боязливо отвечали на вопросы» музейного сотрудника из опасения проговориться. В селах Ростовского уезда в ту пору занимались гончарным делом, гнали деготь, плели корзины¹².

Другой идеей директора музея было создание отдела по реставрации живописи, но для этого не хватало специалистов. Для выполнения работ даже нашли монахиню, знающую иконопись, и ее отправили на стажировку в ЦГРМ в Москву. Вскоре в музей поступила двоюродная сестра Владимира Николаевича – Наталья, художник по образованию, которая «быстро освоила это ремесло», появились другие новые сотрудники, в их числе была и будущая супруга Владимира Николаевича – Вера Александровна Смыслова¹³.

Помимо В.Н. Иванова учебную практику в Ростовском музее проходили и другие студенты. Они принимали на государственный учет имущество и здания упраздненных церквей и монастырей, помогали создавать новые экспозиции и выставки, проводили экскурсии, занимались наукой. О том, что помочь студентов была значительной, свидетельствуют документы из архива Ростовского музея-заповедника. Так, в отчете о работе за 1925-26 гг. отмечалось, что «...кроме научных сотрудников музея научно-исследовательская работа выполнялась, главным образом, через участие в этом, людьми, командированными ВУЗАМИ для прохождения производственной практики – таковых было 8...»¹⁴. В письме директора в ГЛАВПРОФОБР 10 января 1927 г. также говорилось, что «для Музея чрезвычайно желательно было бы участие в его работе практикантов-студентов» и излагалась просьба прислать 8 человек – 2 археологов, 2 этнографов, 1 геолога, 1 энтомолога и 1 историка, так как проведение архитектурных обмеров памятников без них просто невозможно. Так как работа практикантов, трудившихся бесплатно и уже «приобретших известный навык», стала для музея полезной, Д.А. Ушаков отдал распоряжение «производить таковым оплату в размере 1/3 (одной трети) оклада по 9 разряду с дальнейшим увеличением такового в случае дальнейшего совершенствования»¹⁵.

Летом 1926 года Владимир Николаевич трудился на должности

научно-технического сотрудника, получая оплату по 10 разряду в отделах художественном, бытовом и церковно-археологическом, а в августе был послан в Ярославль в командировку для изучения чертежей по реставрационным работам на памятниках архитектуры¹⁶.

В 1927 году для охраны музейных ценностей ввели ночные дежурства, привлекались к дозору с оружием и практиканты. Патрулировали вокруг музея обычно группами по два человека, и студент Иванов старался попасть в одно дежурство с Верой Александровной. Некоторое время ему приходилось также принимать деньги «по входной плате» с редких экскурсантов и участвовать в работе ликвидационной комиссии церквей Ростовского уезда¹⁷.

Во время своей последней практики в Ростовском музее в декабре 1927 – январе 1928 гг. студент 4 курса МГУ В.Н. Иванов был допущен к работе над экспонатами¹⁸. И, как замечал он сам в мемуарах, после 1928 года в Ростовском музее «началась плохая страница истории, шедшая под эгидой культурной революции»¹⁹. Для самого же Владимира Николаевича открылась новая страница в биографии, связанная с работой в Москве. Однако он не забывал свой родной город, приезжая туда в отпуск и на научные конференции. И навсегда в его памяти остались летние дни, проведенные в юности в Ростовском музее и Борисоглебе, первые приобретенные навыки музейной работы, знания, полученные на археологических раскопках и при обмерах архитектурных памятников, хорошие друзья и мудрые старшие коллеги, встреча с любимой женщиной, связавшей с ним свою судьбу.

Автор приносит благодарность В.В. Иванову за предоставленные ксерокопии мемуаров его отца – В.Н. Иванова, хранящиеся в семейном архиве Ивановых.

*

¹ См.: ОРПГФ ГИКМЗ «МК». Ф. 20. Оп. 0)к. Д. 56.

² Там же. Ф. 42. Оп. 2. Д. 14. Л. 1.

³ Там же. Л. 1-2.

⁴ Там же. Л. 2.

⁵ См.: ГМЗРК. А-83.

⁶ ОРПГФ ГИКМЗ «МК». Ф. 42. Оп. 2. Д. 14. Л. 2-3.

⁷ Там же. Л. 4-5.

⁸ Там же. Л. 6.

⁹ Там же. Д. 15. Л. 3-5; ГМЗРК. А-124. Л. 1.

¹⁰ См.: ГМЗРК. А-159. Л. 8.

¹¹ ОРПГФ ГИКМЗ «МК». Ф. 42. Оп. 2. Д. 14. Л. 6-7.

¹² Там же. Л. 7-8.

¹³ См.: Там же. Л. 8-9; ГМЗРК. А-124. Л. 6, 91.

¹⁴ ГМЗРК. А-149. Л. 118.

¹⁵ Там же. Л. 132.

¹⁶ Там же. А-124. Л. 81, 103.

¹⁷ См.: Там же. А-124. Л. 93; ОРПГФ ГИКМЗ «МК». Ф. 42. Оп. 2. Д. 14. Л. 9-10.

¹⁸ ГМЗРК. А-156. Приказ № 24 от 21.12.1927 г. и Приказ № 32 от 17.01.1928 г.

¹⁹ ОРПГФ ГИКМЗ «МК». Ф. 42. Оп. 2. Д. 14. Л. 10

Библиотека

ГМЗ

«Ростовский Кремль»